

Гов. и пок. Москва, 1980, 19 марта
радио

ИСКУССТВО И.С. КОЗЛОВСКОГО

К 80-летию со дня рождения

В нынешнем году творчеству выдающегося советского певца И. С. Козловского был посвящен ряд передач Центрального телевидения и Всесоюзного радио. Это прежде всего серия радиопередач «Искусство И. С. Козловского», в которой прозвучали лучшие, в том числе и

уникальные, записи певца разных лет. На этой неделе выходит последняя передача цикла (ПОНЕДЕЛЬНИК, 24 МАРТА, 11.15). Вы услышите арии из опер, романсы, украинские и русские народные песни.

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ,
лауреат Ленинской
премии

Нашему поколению повезло. Природа наделила Козловского не только прелестным, ни на кого не похожим голосом. Нет! Она вложила этот удивительный инструмент в натуру певучую, музыкальную, артистическую, в душу юношески чистую, мечтательную, ищущую.

В самом Иване Семеновиче много той романтической чистоты, какой пленяли всегда его Ленский, его Вертер, его Фауст, его Ромео.

При этом в самом подходе к партии, к роли он проявлял всегда стремление проникнуть в их суть и в их глубь, понять их как живых и влюбленных, забыть на время о том, что кто-то уже играл и пел их — он стремился увидеть их такими, какими создали их Пушкин, Гете, Шекспир, Гуно, Массне и Чайковский. И это неизменно удавалось ему.

А каким острым и сложным — увлекательным и жестоким — был его Герцог!

И все же это только одна грань его дарования.

Как смело, крупно, по-мусорски и по-пушкински спел он Юродивого! Из крохотной партии, которую испокон веков поручали людям без талантов и без теноров, он сделал голос Судьбы, голос Рока, прямо-таки «шекспиризировал» трагедию о Борисе. И в то же время это голос народа. И Баян в «Руслане» был задуман Козловским также глубоко. В этом проявились его актерское новаторство, его творческая инициатива, которые до сих пор как следует не изучены.

То же чувствовалось всегда и в его камерной лирике. Не следование образцам, а самостоятельное проникновение в музыкальный и поэтический текст, будь то «Тишина» Кашеварова, «Белеет парус» и «Горные вершины» Варламова, песни Шуберта или романсы Глинки, вспомним хотя бы

«Молитву» на лермонтовские слова!..

Разумеется, Козловский вошел в историю советского искусства. Более того: уверен, что и для будущих поколений он останется живым и неповторимым явлением. И все же никогда он не будет для них — для потомков — тем Козловским, которого знаем и любим мы. Иваном Семеновичем для них он не будет. А для нас он не только Козловский-певец, но и живой участник нашей творческой жизни — Иван Семенович Козловский, человек человеческий и глубоко общественный человек. А это неразделимо. Мало кто знает, сколько внимания и заботы проявляет Иван Семенович по отношению к артистам, уже окончившим творческий, но продолжающим жизненный путь.

Сколько деликатности, предупредительности, душевной широты выказывается тут в полном блеске, скрытом от глаз большинства. Так заботиться о знакомых и незнакомых только за то, что они были артистами, может только тот, кто до самозабвения продолжает любить театр, кто щедр, бескорыстен и добр. Это чувство благодарности современникам за то, что они есть, и за то, что они были на свете, что они проявляли себя в искусстве и в жизни, Козловского отличало всегда.

ДМИТРИЙ ЖУРАВЛЕВ,
народный артист
СССР

— Я приехал в Москву в 20-х годах и первым самым сильным событием в мире искусства было имя, которое донеслось до меня: Козловский. Вспоминаю первые впечатления от его пения, от игры его. Альфред из «Травиаты», Ленский из «Евгения Онегина», Дубровский... Все свежо, интересно, продуманно, внутренне убедительно, внешне изящно, тонко, точно. Все захватывает в его исполнении, остается в памяти, в сердце на всю жизнь... Его

Юродивый непостижим. В эти дни много будет говорить об этой коронной партии Ивана Семеновича. Но скажу и я. Крошечная по сценическому времени роль, а какая мощная, важная. Это символ, который пронзает весь ход трагедии. Это стержень, на котором балансирует весь спектакль...

У Козловского удивительное проникновение в дух произведения. Он буквально растворяется в музыкальном материале, высвечивает в нем главное, то, что всего важнее и дороже для автора. Его Принц из оперы Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» полон гротеска, яростной, ослепляющей яркости, острой проничности, словом, отмечен всеми теми качествами, которыми богата прокофьевская музыка. Он равно талантлив и в камерном исполнительстве.

Только такому редкому мастеру, как Иван Семенович Козловский, под силу держать форму на протяжении стольких лет. Не так давно я был на его концерте в Большом зале Московской консерватории. Мне не было страшно за певца, когда он «подходил» к самым высоким нотам, я даже не думал об этом, я просто соперничал с ним искусством, упивался, как прежде, как всегда, его голосом.

Не только искусство сближало и сближает нас с Иваном Семеновичем. Я горжусь человеческой дружбой с ним. Я полон его добротой и отзывчивостью. Это в его натуре. В 1953 году я, весь изломанный в автомобильной катастрофе, лежу в больнице Ростова-на-Дону. Пришла первая телеграмма. «Потрясен случившимся. Чем могу помочь? Козловский». И он во многом помог. Общение с Иваном Семеновичем — праздник. Покоряют его эрудиция, своеобразие его суждений, неизменно доброжелательное отношение к своим коллегам, душевный отклик, природная вежливость, деликатность, мудрость.

Я счастлив быть его современником.